

Уильям Шекспир

Венецианский купец

Перевод Юрия Лифшица



Уильям Шекспир
Венецианский купец.
Перевод Юрия Лифшица

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21548496
ISBN 9785448325892*

Аннотация

Пьеса Шекспира «Венецианский купец» публикуется в новом переводе поэта и переводчика Юрия Лифшица. Рассказ о займодавце, грозящем смертью должнику, неожиданные судебные перипетии, оправдание купца, посрамление жестокого ростовщика и всепоглощающая любовь переданы переводчиком с мастерством, блеском и максимальной приближенностью к оригиналу. Для оформления обложки использована иллюстрация английского художника и поэта Уильяма Джеймса Линтона (1812—1897) «Шейлок, Антонио, Саларино и тюремщик».

Содержание

АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена первая	6
АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена вторая	14
АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена третья	20
АКТ ВТОРОЙ. Сцена первая	28
АКТ ВТОРОЙ. Сцена вторая	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Венецианский купец

Перевод Юрия Лифшица

Уильям Шекспир

© Уильям Шекспир, 2017

ISBN 978-5-4483-2589-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Действующие лица

ВЕНЕЦИАНСКИЙ ГЕРЦОГ (ГЕРЦОГ).

МАРОККАНСКИЙ ПРИНЦ (МАРОККАНЕЦ), АРАГОНСКИЙ ПРИНЦ (АРАГОНЕЦ), поклонники Порции.

АНТОНИО, венецианский купец.

БАССАНИО, его друг, поклонник Порции.

САЛАНИО, САЛАРИНО, САЛЕРИО, ГРАЦИАНО, друзья Антонио и Бассанио.

ЛОРЕНЦО, возлюбленный Джессики.

ШЕЙЛОК, богатый еврей.

ТУБАЛ, еврей, друг Шейлока.

ЛАНЧЕЛОТ ГОББО (ЛАНЧЕЛОТ), слуга Шейлока.

СТАРЫЙ ГОББО (ГОББО), отец Ланчелота.

ЛЕОНАРДО, слуга Бассанио.

БАЛЬТАЗАР, СТЕФАНО, слуги Порции.

ПОРЦИЯ, богатая наследница.

НЕРИССА, ее камеристка.

ДЖЕССИКА, дочь Шейлока.

СЛУГА.

ПИСАРЬ.

Венецианские ВЕЛЬМОЖИ, ПРИДВОРНЫЕ, судейские

ЧИНОВНИКИ, ТЮРЕМЩИК, СЛУГИ и ДРУГИЕ.

Место действия – Венеция и Бельмонт, поместье Порции

АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена первая

Венеция. Улица

Входят АНТОНИО, САЛАРИНО и САЛАНИО.

АНТОНИО. И впрямь не знаю, отчего мне грустно.
Тоской измучил я себя и вас,
Но где я взял ее, как подцепил,
В чем состоит она, чем рождена,
Хотелось бы понять.

Своим безумством я расстроен так,
Что узнавать себя перестаю.

САЛАРИНО. Несется разум ваш по океану,
Там, где армада парусников ваших,
Как судна лордов и негоциантов
Или морских торжественных кортежей,
Летит на тканых крыльях, презирая
Торговцев мелких шхуны, что ее
Приветствуют в почтительных поклонах.

САЛАНИО. Поверьте, сэръ, поставь я все на карту,
То я бы плыл своею лучшей частью
Среди своих надежд; траву пускал бы
На ветер, чтоб узнать, откуда он;
Искал бы в картах бухты, пирсы, рейды;
А все, что предвещало б неудачу
Моим делам, вселяло бы, конечно,

В меня тоску.

САЛАРИНО. Себе я лихорадку

Надул бы вмиг, подув на суп и вспомнив,

Как страшно дышит в море ураган.

Не мог бы видеть я часов песочных,

О мелях не подумав, не представив,

Как мой корабль богатый встал на якорь

В песках и мачты к днищу накренил,

Целуя место гибели своей.

Зайди я в храм, его святые камни

Напомнили бы мне коварство рифов,

Что вспорют хрупкий борт, чуть он их тронь;

Ревущим волнам пряностей подбросят,

В мои шелка закутают пучину, —

Короче, спустят ценный груз дешевле,

Чем за бесценок. Если у меня

Есть мысль об этом, как не будет мысли,

Что загрузу я в случае таком?

Не спорьте, я уверен, что грустит

Антонио из-за своих товаров.

АНТОНИО. Поверьте, я судьбой своей доволен.

Не на один корабль я сделал ставку,

На сделку не одну и не на год

Судьбе свое имущество доверил.

Моей тоски причина не торговля.

САЛАРИНО. Тогда – любовь.

АНТОНИО. Нисколько!

САЛАРИНО. Не любовь?

Так вы печальны оттого, что вам

Невесело, но запросто могли бы
Смеяться и подпрыгивать крича:
«Я весел, оттого что беспечален!»
Чудных людей Природа создает,
Клянусь двуликим Янусом! Один
Глаза на все таращит и хохочет,
Как под волынку попугай; другой же
Зубов не кажет, шутку услышав,
Как будто выпил уксус, хоть клянись
Сам Нестор мудрый, что она смешна.

Входят БАССАНИО, ЛОРЕНЦО *и* ГРАЦИАНО.

САЛАНИО. Прощайте! Вот Лоренцо с Грациано
И родич ваш, Бассанио достойный.

Они для вас компания получше.

САЛАРИНО. Я вас развеселил бы, не прерви

Моих речей друзья ценнее нас.

АНТОНИО. Я вас считаю самым ценным другом.

Но, видимо, дела вас ждут, поскольку

Вы пользуетесь случаем уйти.

САЛАРИНО. День добрый, господа!

БАССАНИО. Когда же мы развеемся, синьоры?

От нас вы отстранились. Как же так?

САЛАРИНО. В часы досуга мы вас навестим.

(САЛАРИНО и САЛАНИО уходят.)

ЛОРЕНЦО. Раз вы, милорд Бассанио, нашли

Антонио, прощайте, но прошу
К обеду вспомнить, где нас с вами ждут.

БАССАНИО. Я вас не подведу.

ГРАЦИАНО. Антонио, вы выглядите плохо.

Вы слишком уважаете мирское.

Утратишь то, что суетой купил.

Вы очень изменились, верьте слову.

АНТОНИО. Мир для меня всего лишь мир, подмости,

Где всем есть роли; мне же навязали —

Печальную.

ГРАЦИАНО. А я б сыграл шута!

И пусть от смеха морщится лицо,

Пусть печень распалится от вина,

А не от вздохов сердце охладится.

Кровь у тебя кипит, а ты сиди,

Как гипсовый старик, спи наяву

И желчью от сварливости набухни?

Антонио, моя любовь к тебе, —

А я тебя люблю, — велит сказать:

Есть сорт людей, чьи лица, словно топи,

Подернутые тиной, — эти люди

Всегда молчат, тем самым о себе

Распространяя мнение, что они

Мудры, важны, уверены в себе,

Как бы твердя: «Я — главный прорицатель;

И пес молчи — когда открою рот!»

Я знаю их, Антонио: они,

Помалкивая, умными слывут,

А речь начнут — и как винить того,

Кто, слыша это, их зовет глупцами?

Продолжу я потом. Но не лови

Ты на приманку грусти эту рыбку —

Невыгодное мнение о себе.

Пойдем, Лоренцо. Эти увещанья

Закончу, пообедав. До свиданья.

ЛОРЕНЦО. Мы до обеда покидаем вас.

Я, видимо, стал умником немым:

Рта не дает раскрыть мне Грациано.

ГРАЦИАНО. Со мною пообщайся пару лет, —

Ты говорить разучишься навеки.

АНТОНИО. А я болтать начну на этот случай.

ГРАЦИАНО. Что ж, немота важна для честных дам

И подобает бычьим языкам.

(ГРАЦИАНО и ЛОРЕНЦО уходят.)

АНТОНИО. И что он тут наплел?

БАССАНИО. Грациано говорит ни о чем и так долго, как никто другой во всей Венеции. А толку от его речей — как от пары пшеничных зерен в двух бушелях плевел. Найти-то найдешь, правда, неизвестно зачем, но понимаешь это только после целого дня поисков.

АНТОНИО. Итак, вы поклялись какой-то леди

Приехать тайно к ней, как пилигрим?

Рассказывайте, вы мне обещали.

БАССАНИО. Известно вам, Антонио, насколько

Я состоянье расточил свое,
Проделав шлюзы в нем гораздо шире
Ничтожных струй дохода моего.
Не плачу я о сокращенье трат
На роскошь, – весь я в хлопотах о честной
Уплате многочисленных долгов,
Какими я обязан мотовству.

А вам, Антонио, я задолжал
Всех больше – и деньгами, и любовью.

И мне она порукой, что могу
Я сбросить груз намерений моих
По части очищенья от долгов.

АНТОНИО. Все, милый мой Бассанио, скажите.

И если план ваш можно, как и вас,
Окинуть взором чести, верьте мне:
Я сам, мой кошелек и все мое

Открыты всяким вашим начинаньям.

БАССАНИО. В далеком детстве, потеряв стрелу,

Я, чтоб ее найти, пускал, рискуя,
Такую же и в том же направленье,
Но тщательней за ней следил и обе
Порою находил. И план мой чист,
Как детство – подтвержденье слов моих.

Пред вами я в долгу и ваши ссуды
Я, как юнец безумный, промотал,
Но если вы второй стрелой рискнете,
Пустив ее за первой в ту же цель,
Я буду наблюдать и, без сомненья,
Вам или две стрелы, или вторую

Смогу вернуть, за первую стрелу
Оставшись благодарным должником.

АНТОНИО. Я перед вами – не теряйте время

На то, чтобы намеками овеять
Мою любовь. Поверьте, сомневаясь
Во мне, в моей привязанности к вам,
Меня вы оскорбляете сильнее,
Чем если б по миру меня пустили.

Скажите мне, что на уме у вас
И что я мог бы, что я должен сделать —
Все сделаю мгновенно. Говорите.

БАССАНИО. В Бельмонте леди есть. Она богата,
Красива, но красивей, чем она,
Чудесные достоинства ее.

Мне взор ее частенько вести слал.
Как дочь Катона и супругу Брута,
Ее зовут – и Порция моя
Не хуже древней. Мир не пропустил
Такую ценность: с четырех сторон
К ней ветры гонят славных женихов.

Так ниспадают солнечные кудри
С ее висков, что множество Язонов
Спешат за этим золотым руном
В Бельмонт, Колхидой ставшей в одночасье.

Антонио, будь средства у меня
Войти в число соперников моих, —
Я остро ощущаю всей душой,

Что мне, бесспорно, быть в числе счастливых.

АНТОНИО. Ты знаешь сам, ищу я счастье в море.

Нет ни товара под рукой, ни денег,
Чтобы ссудить тебе. Ты разужнай,
Дадут ли мне кредит венецианцы.
Весь истошу его я, чтоб ты мог
Отплыть к прекрасной Порции в Бельмонт.
Ищи же деньги, поищу и я.
И кто-нибудь, конечно, одолжит
Мне их по дружбе или же в кредит.

(Уходят.)

АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена вторая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Входят ПОРЦИЯ и НЕРИССА.

ПОРЦИЯ. Честное слово, Нерисса, моему маленькому телу не под силу этот огромный мир.

НЕРИССА. Будь оно так, прелестная госпожа, вы были бы столь же богаты невзгодами, как теперь милостями судьбы. Но, сдается мне, кое-кого обжорство ведет к болезни так же, как всех остальных смертельный голод. Поэтому счастье находится не в чем ином, как в середине золотой середины. Избыточность быстро обрастает сединой, тогда как умеренность ходит в долгожителях.

ПОРЦИЯ. Правильные мысли в неплохом изложении.

НЕРИССА. Было бы неплохо следовать этим правилам.

ПОРЦИЯ. Если бы это было так же просто, как верить в их правильность, то сельские часовни превратились бы в соборы, а хижины поденщиков – в хоромы принцев. Велик богослов, чьи поступки не расходятся с его же доктринами. Мне проще научить двадцать человек, как им следует себя вести, чем следовать собственным поучениям, будучи одной из этой двадцатки. Разум сочиняет законы для охлаждения страстей, но пылкий нрав минует барьеры холодных

предписаний, ибо юность скачет сумасшедшим зайцем, избегая сетей хромоногого здравомыслия. Но даже с помощью этих разглагольствований мне нипочем не выбрать себе мужа. Что толковать о «выборе», если я не могу ни взять в мужья любимого, ни отвергнуть всех прочих! Желание живой дочери опутано пожеланием умершего отца. Это ли не мука, Нерисса, не иметь права ни на выбор мужа, ни на отказ от брака?

НЕРИССА. Ваш батюшка был весьма добродетельным, почти святым, а такой человек на смертном одре порою осеняется благими намерениями. Ему вздумалось устроить лотерею с золотой, серебряной и свинцовой шкатулками, стало быть, тот, кто проберется в его замыслы, подберется и к вам. Вне всякого сомнения, только истинно влюбленному по силам сделать истинный выбор. А вы сами ощущаете хоть какую-то сердечную привязанность к кому-нибудь из высокородных женихов, прибывших по вашу душу?

ПОРЦИЯ. Прошу тебя огласить весь список, и пока он будет длиться, я тебе опишу подноготную каждого из них. По моим описаниям ты сама оценишь меру моей привязанности.

НЕРИССА. Во-первых, принц Неаполя.

ПОРЦИЯ. Вот уж действительно – вылитый жеребец. Не говорит ни о чем, кроме своей лошади и, поскольку умеет самолично ставить ей подковы, считает это главным делом своей жизни. Я даже опасаясь, не сыграла ли его сиятельная

матушка в поддавки с каким-нибудь кузнецом.

НЕРИССА. Затем граф, точнее – пфальцграф.

ПОРЦИЯ. Этот смотрит, набычившись, словно собирается сказать: «Не хотите меня, как хотите». Даже на анекдот не улыбнется. Боюсь, в старости он начнет проливать философские слезы, если в молодости проявляет невоспитанность своей угрюмостью. Лучше взять в мужья череп с костями, чем одного из них. Не дай мне, Господи, ни того, ни другого!

НЕРИССА. А как вам показался мосье Ле Бон, французский лорд?

ПОРЦИЯ. Если уж он сотворен Богом – пусть считается человеком. Я знаю, издеваться над ближними грешно, но над ним – сам Бог велел. Его кобыла даст фору лошади Неаполитанца, а угрюмостью он порой затмевает пфальцграфа. У него все, как у людей, и все не по-людски. Дрозд не успевает свистнуть, как он уже приплясывает. А на дуэль готов вызвать даже собственную тень. Выйти за него, значит, обзавестись двадцатью мужьями. Откажись он от меня, я это переживу, потому что, если он даже сойдет с ума от любви ко мне, я никогда не отвечу ему тем же.

НЕРИССА. А как вы отнесетесь к юному Фолконбриджу, английскому барону?

ПОРЦИЯ. Никак не отнесусь, поскольку мы никак не можем с ним сговориться. В латыни, французском или итальянском он ни бум-бум, по-английски я ни бельмеса – хоть кля-

нись в этом перед судом. Слов нет, он мужчина хоть куда, но куда мне с ним, с бессловесным? А как вычурны его наряды! Я думаю, камзол он привез из Италии, штаны в обтяжку – из Франции, шляпу – из Германии, а правила поведения – со всех концов света.

НЕРИССА. А что вы думаете о шотландском лорде, его соседе?

ПОРЦИЯ. Что он ведет себя кротко, совсем по-соседски: получил от соседа-англичанина по уху и поклялся вернуть затрещину при первой возможности. А француз, похоже, стал поручителем шотландца, в чем и подписался, тоже получив по ушам.

НЕРИССА. А каким вам показался немец, юный племянник герцога Саксонского?

ПОРЦИЯ. Весьма мерзким, когда он трезвеет к утру, и более чем мерзким, когда он надирается перед обедом. Когда он хорош, он немногим хуже человека, когда плох, – немногим лучше животного. Как бы худо мне ни пришлось, я надеюсь ускользнуть от него.

НЕРИССА. Но если он решится поиграть в шкатулки и выиграет, ваше нежелание выйти за него пойдет вразрез с желанием вашего батюшки.

ПОРЦИЯ. А ты, чтобы отвести эту беду, поставишь на обманную шкатулку большой бокал рейнского, а такое искушение, сиди в ней хоть сам дьявол, заставит немца сделать неправильный выбор. Я решусь на все, лишь бы избавиться

от этой пьяной губки.

НЕРИССА. Напрасно, леди, вы опасаетесь этих милордов: по их словам, они решили отказаться от своих домогательств, дабы не раздражать вас, и разъехаться по домам – поскольку нет другого способа завладеть вами, кроме прихоти вашего отца насчет трех шкатулок.

ПОРЦИЯ. Будь я Сивиллой долголетия, все равно останусь Дианой целомудрия, если достанусь кому-нибудь иным манером, чем по желанию моего отца. Но я рада благоразумию этой группы моих поклонников, ибо среди них нет ни одного, кого бы я не любила... за это благоразумное отбытие. Пошли им, Господи, счастливого и долгого пути!

НЕРИССА. А вы не забыли, миледи, одного венецианца, ученого и воина, при жизни вашего батюшки оказавшегося здесь в компании с маркизом Монферратским?

ПОРЦИЯ. Конечно, не забыла. Кажется, его звали Бассанио?

НЕРИССА. Мои глупые глаза видели многих мужчин, но он единственный из всех заслуживает самой прекрасной леди.

ПОРЦИЯ. Я хорошо его помню, и твоя похвала придает ему еще большую ценность – я запомню и это.

Входит СЛУГА.

Что случилось? С чем пожаловал?

СЛУГА. Четыре чужестранца, мадам, желают попрощаться с вами перед отъездом. А посыльный пятого, принца Марокканского, доложил, что его господин пожалует к вам сегодня вечером.

ПОРЦИЯ. Если бы я могла принять пятого так же сердечно, как проводить этих четвертых, то весьма обрадовалась бы этому известию. Будь у Марокканца при его дьявольской внешности ангельская душа, я бы скорее согласилась взять его в духовные отцы, чем в отцы моих детей. Идем, Нерисса. А ты пока ступай, дружок.

Мы не успели проводить гостей, —
Еще один поклонник у дверей.

(Уходят.)

АКТ ПЕРВЫЙ. Сцена третья

Венеция. Площадь.

Входят БАССАНИО *и* ШЕЙЛОК.

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов? Хорошо.

БАССАНИО. Да, сэ,р, всего на три месяца.

ШЕЙЛОК. Всего-то? Очень хорошо.

БАССАНИО. А моим поручителем, повторяю, будет Антонио.

ШЕЙЛОК. Антонио пойдет в поручители? Еще лучше.

БАССАНИО. Так вы меня выручите? Могу я надеяться на вас? Каким будет ваш ответ?

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов на три месяца под поручительство Антонио...

БАССАНИО. Что же вы мне ответите?

ШЕЙЛОК. Хороший человек, этот Антонио.

БАССАНИО. А разве кто-то думает иначе?

ШЕЙЛОК. О нет, никто, никогда, никоим образом! В моем понимании хороший человек, как я выразился, это человек со средствами. Но состояние этого хорошего человека непрочное. Как я узнал на бирже в Риальто, один свой галеон от отправил в Триполи, другой – в Индию, мало того, – третий у него плывет в Мексику, четвертый – в Англию. Да

и прочие его заморские предприятия довольно рискованны. Но ведь корабли – это просто доски, моряки – просто люди, а еще есть крысы, водяные и сухопутные, и бандиты, сухопутные и морские, я имею в виду пиратов, а моря, ветры и скалы – разве они не опасны? И все-таки он человек со средствами. Три тысячи дукатов... Думается мне, его вексель чего-нибудь да стоит.

БАССАНИО. Можете в этом не сомневаться.

ШЕЙЛОК. Я хочу не сомневаться в этом, а чтобы я мог не сомневаться, мне придется составить об этом собственное мнение. А переговорить с Антонио мне можно?

БАССАНИО. Конечно, если вам будет угодно отобедать с нами.

ШЕЙЛОК. Вот как! Чтобы нюхать свинину? Чтобы насыщаться плотью, в которую вселился дьявол, заклятый вашим назарейским пророком? Я буду вести с вами торговлю, заключать с вами сделки, беседовать с вами, прогуливаться и прочее, но есть вашу пищу, пить ваше вино, молиться по-вашему я не стану. Вы давно с биржи? Что там на Риальто? Смотрите, к нам кто-то идет.

Входит АНТОНИО.

БАССАНИО. Это как раз синьор Антонио.

ШЕЙЛОК (*в сторону*). Как он похож на мытаря-подлизу!

Он ненавистен мне, христианин,

Еще за то, что, словно простачок,

Ссужает деньги ни за что, сбивая
В Венеции нам уровень дохода.
Я мог бы распрю древнюю насытить,
Ему вцепившись в бок. Он ненавидит
Священный наш народ, поносит он,
Особенно в компании купцов,
Меня, мою торговлю, мой барыш
Законный, – по его словам, корыстный.
Будь проклят род наш, если я прошу
Ему все это!

БАССАНИО. Вы молчите, Шейлок?

ШЕЙЛОК. В уме прикинул я свою наличность,
И если память мне не изменяет,
Так много вдруг, три тысячи дукатов,
Я не смогу найти. И что с того?
Мой родственник Тубал, еще один
Еврей богатый, выручит меня.
Ах да! Какой вы мне назвали срок?

(АНТОНИО.)

Здоровья вам, добрейший мой синьор!

Сейчас мы вашу милость поминали.

АНТОНИО. Я, Шейлок, под проценты не беру

И не даю, но правилам своим

Намерен изменить, чтобы покрыть

Издержки друга.

(БАССАНИО.)

Вы с ним говорили,
Какая сумма надобна?

ШЕЙЛОК. Что да, то да. Три тысячи дукатов.

АНТОНИО. На срок – три месяца.

ШЕЙЛОК Чуть не забыл!

Три месяца – всего, вы говорили.

Под вексель ваш. Но вот что. Вы как будто

Сказали, что корысти ради ссуд

И не даете вы, и не берете?

АНТОНИО. Не в этом мой доход.

ШЕЙЛОК. Когда Иаков

Был у Лавана, дяди своего,

За пастуха, – святому Аврааму

Иаков волей матушки своей

Премудрой стал преемником вторым...

Ну да, вторым...

АНТОНИО. И что? Он брал проценты?

ШЕЙЛОК. Нет, не проценты. В вашем смысле слова

Процентов он не брал. Он сделал так:

Условился с Лаваном, что возьмет

Себе барашков пестрых за работу,

И осенью, когда бараны к овцам

Прильнули, и в трудах воспроизводства

Стал спариваться шерстяной народ, —

Кору с ветвей содрал пастух искусный

И перед каждой самкой их воткнул.

От этого – Иакову в награду —

Приплодом пестрым овцы разрешились.

Так он открыл священный путь к богатству.

Богатство свято – если ты не крал.

АНТОНИО. Рискнул Иаков, но ведь он трудился.

Он не своею властью все устроил,

Но силою небесного перста.

Вы этой речью славили проценты?

Иль серебро и золото для вас

Что овцы да бараны?

ШЕЙЛОК. Я не знаю.

У нас плодится все. Но вы, синьор...

АНТОНИО. Бассанио, заметь: порою дьявол

Из выгоды и Библию толкует.

Порочный дух с цитатами святыми

На подлеца веселого похож

Или на спелый, но подгнивший плод.

Как ты прекрасна, внешность вероломства!

ШЕЙЛОК. Три тысячи дукатов. Это много.

Три месяца. И плюс процент... Прикинем...

АНТОНИО. Вы денег нам дадите или нет?

ШЕЙЛОК. Меня, синьор Антонио, вы часто

И сделками, и деньгами моими

В Риальто попрекали. Я в ответ

Плечами лишь смиренно пожимал:

Терпенье – символ нашего народа.

Для вас я – пес цепной и еретик,

Заплеван вами мой кафтан «жидовский» —

За то, что я по-своему живу.

Отлично! Но, выходит, оказался

И я неплох. Идете вы ко мне

И говорите: «Шейлок, дайте денег!».

И это вы, рыгавший много раз

На бороду мою и отгонявший

Меня, как пса бродячего, пинками

От дома своего? И что я должен

Ответить вам на просьбу о деньгах?

Сказать: «Как может пес давать займы?

Где взять ему три тысячи дукатов?».

А может, мне поклон отвесить рабский

И, чуть дыша, униженно шепнуть:

«Мой добрый сэръ, меня вы в эту среду

Назвали псом, днем позже оплевали

И выгнали пинком, вы так учтивы,

Не дать ли вам за это денег в долг?».

АНТОНИО. Мне и сейчас хотелось бы тебя

Назвать собакой, пнуть и оплевать.

Даешь займы – давай! Не как друзьям —

Какая ж это дружба, если другу

Сдавать металл бесплодный на племя? —

Дай ссуду мне как своему врагу,

Чтоб если разорюсь я, с чистым сердцем

Взять неустойку.

ШЕЙЛОК. Вот разбушевались!

А я хотел по дружбе, по любви

Забуть позор от ваших оскорблений

И дать вам в долг и за свои же деньги

Не взять нисколько. Вы же не хотите

И слышать о любезном предложенье.

БАССАНИО. Да, вы любезны.

ШЕЙЛОК. И не на словах!

Давайте у нотариуса вы

Подпишете мне вексель – смеху ради, —

Мол, если там-то и в такой-то день

Вы не вернете мне такой-то суммы,

Отмеченной в бумаге, я возьму

Фунт вашей чистой плоти в виде пени,

Кусок отрезав там, где укажу.

АНТОНИО. Вот это да! Я подпишу вам вексель

И всем скажу, что жид – сама любезность.

БАССАНИО. Пойду с сумой, но вам я не позволю

Из-за меня тот вексель подписать.

АНТОНИО. Не бойся, друг, что я не расплачусь.

Я через пару месяцев – за месяц

До платежа по векселю – жду сумму,

Что больше долга чуть не в девять раз.

ШЕЙЛОК. Вот, отче Авраам, и христиане!

Вас учит ваша жесткость деловая

Подозревать в жестокости и нас.

Скажите мне: сорви он срок уплаты,

На что мне человечины кусок?

Говядина, баранина, конина

И то ценней. А в этой неустойке

Что за барыш мне – ни продать, ни съесть!

Хочу купить его расположение

Своею дружбой. Если он желает —

Прошу принять, а если нет – адью.

Но злом не отвечайте на любовь.

АНТОНИО. Да, Шейлок, подпишу я вексель твой.

ШЕЙЛОК. Нотариусу дайте указанье
Для смеху сочинить бумагу эту,
А я приду с дукатами к нему.
Взгляну на дом, который под надзором
Отпетого мошенника – слуги,
И – к вам.
АНТОНИО. Поторопись-ка, милый жид!

(ШЕЙЛОК *уходит.*)

Христианином станет наш еврей.
БАССАНИО. Душа черна, а на устах елей.
АНТОНИО. Пойдем. Все хорошо. Боишься зря ты:
Суда придут за месяц до уплаты.

(*Уходят.*)

АКТ ВТОРОЙ. Сцена первая

Бельмонт. Комната в доме Порции.

Трубы. Входят МАРОККАНЕЦ *со свитой,* ПОРЦИЯ, НЕРИССА *и* СЛУГИ.

МАРОККАНЕЦ. Пусть облик мой тебя не отвратит:
Нарядом черным я обязан солнцу;
Я рядом с ним живу, я им кормлюсь.
Возьми красавца северных земель,
Где скудный Феб не страшен и снежинкам, —
Чья кровь краснее будет, если мы
Друг друга раним в битве за тебя?
Поверьте, леди, внешностью своей
И воинов я в бегство обращал,
И покорял девиц своей страны.
Я побелел бы, если бы завладел
Твоей любовью, милая принцесса.
ПОРЦИЯ. Мой выбор повинуется не только
Любезному приказу глаз девичьих;
Да и судьба мне, словно лотерея,
На вольный выбор права не дает.
Когда б не ограничил, не сковал
Меня отец решеньем, что женой
Иначе стать могу я, чем сказала,
Мои бы чувства оценили вас,

Как прочих посетителей моих.

МАРОККАНЕЦ. Спасибо и на этом. Проводите

Меня к шкатулкам – попытаю счастья. —

Клянусь тобой, мой ятаган, принесший

И Сефевиду смерть, и принцу персов,

Что трижды Сулеймана побеждал, —

Я взор суровый взором отведу,

Любое сердце доблестью осилю,

Детеньшей, медведицу сосущих,

Я вырву у нее и даже льва,

Идущего за жертвой, раздражно,

Чтоб завладеть тобою. Но увы!

Заспорь Лихас и Геркулес, что тот

Из них славней, кто выиграт в кости,

И стань удачным слабого бросок, —

Слуга одержит верх, а не Алкид.

И я, слепой Фортуной увлечен,

Умру от горя, если недостойный

То выиграт, что утрачу я.

ПОРЦИЯ. Должны вы отказаться или выбрать,

Поклявшись мне, что в случае ошибки

Вы ни с одною леди никогда

Речей о браке впредь не заведете.

Советую подумать.

МАРОККАНЕЦ. Будь что будет!

Но я свой шанс использую. Идемте.

ПОРЦИЯ. Сперва пойдемте в храм. Потом – обед.

А там уже рискнете.

МАРОККАНЕЦ. Хорошо.

Что мне сулит благой судьбы решение:
Проклятье или же благословенье?

(Трубы. Все уходят.)

АКТ ВТОРОЙ. Сцена вторая

Венеция. Улица.

Входит ЛАНЧЕЛОТ.

ЛАНЧЕЛОТ. Интересно, даст ли мне моя совесть сбежать от моего хозяина-жида? Черт, он тут как тут, вводит меня во искушение, подзуживает: «Эй, Гоббо, Ланчелот Гоббо, милый Ланчелот»; или так: «Премилый Гоббо»; или сяк: «Милейший Ланчелот Гоббо, бери ноги в руки, рви когти, дай деру». А моя совесть возражает: «Нет, погоди, честный Ланчелот; постой, пречестный Гоббо»; или под стать вышесказанному: «Честнейший Ланчелот Гоббо, не смей бежать, не вздумай смазать себе пятки». Чертяка хорохорится, велит собирать манатки: «Скорей!» – подгоняет нечистый; «Прочь!» – подстегивает лукавый; «Заклинаю небесами, – умоляет окаянный, – напряги свои расчудесные мозги и вали отсюда!». А что совесть? Бросается моей душе на грудь и вполне разумно урезонивает меня: «Дружище Ланчелот, ты ведь честный человек, и отец с матерью у тебя честные люди...». Но, говоря по чести, это правда только насчет моей мамаша, а вот честность папаши с некоторым, я бы сказал, душком, чуточку не такая, какая нужно. «Стой!» – приказывает совесть. «Не стой!» – подталкивает черт. «Нет, стой!» –

не унимается совесть. «Хорошо вам советовать, – говорю я, – и тебе, совесть, и тебе, черт». Поступить по совести, значит, по-прежнему служить хозяину-жиду, который сам – Господи прости! – смахивает на черта. А бросить его к чертям, значит, поддаться искушению и тем самым угодить – спаси и сохрани! – в лапы самого черта. Несомненно, жид – это воплощенный черт, и, по совести говоря, у меня не совесть, а черт знает что такое, если по ее указке я должен якшаться с жидом. Враг рода человеческого подает мне дружеский совет. Спасибо, черт. Я передам свои ноги в твои руки: сбегу к чертовой матери!

Входит ГОББО.

ГОББО. Господин юноша, скажите, пожалуйста, как здесь найти господина жида?

ЛАНЧЕЛОТ (*в сторону*). О небеса! Это же мой единоутробный папаша! Сказать, что он плохо видит, нельзя, поскольку он вообще ничего не видит. Если я его слегка разыграю, он меня и не узнает.

ГОББО. Господин юный джентльмен, скажите, будьте добры, как здесь найти господина жида?

ЛАНЧЕЛОТ. Будет поворот, сверните направо; будет разворот, сверните налево; а будет доворот, не сворачивая ни вправо, ни влево, развернитесь и упретесь в ворота жида.

ГОББО. Боже правый, вижу, мудрено до него добраться

будет. Скажите, не живет ли у него один такой Ланчелот, который живет у него, или не живет?

ЛАНЧЕЛОТ. Вы спрашиваете о молодом господине Ланчелоте? (*В сторону.*) Ну, держись, я сейчас такую воду взбаламучу – из глаз брызнет! – Значит, речь идет о Ланчелоте, молодом господине?

ГОББО. Вовсе не о господине, сэр, а о сыне бедного человека. Отец его, да будет позволено мне это сказать, честный бедняк из бедняков, но благодаря Бога пока еще жив-здоров.

ЛАНЧЕЛОТ. Да не об отце речь, будь он кем угодно, а о молодом господине Ланчелоте.

ГОББО. Раз вы его знаете, то, с вашего позволения, я говорю как раз о Ланчелоте.

ЛАНЧЕЛОТ. Ergo, старик, я прошу тебя, я тебя умоляю: ergo, ты поминаешь господина Ланчелота?

ГОББО. Да, Ланчелота, с позволения вашей милости.

ЛАНЧЕЛОТ. Ergo, господина Ланчелота. Но не поминай этого господина, старик, ибо этот юный джентльмен – согласно жребиям и уделам, а также древним присловьям касательно Парок, трех сестер, и прочих отраслей знания – в самом деле приказал долго жить или, выражаясь простым языком, отправился к праотцам.

ГОББО. Господи помилуй! Сынок был мне настоящей опорой под старость лет, моим подлинным столпом.

ЛАНЧЕЛОТ. Неужто я выгляжу таким же деревянным, как столб, посох или подпора? Неужто ты меня не узнаешь,

отец?

ГОББО. Увы мне, я вас не знаю, молодой джентльмен. Вы мне только скажите насчет моего сына – пошли, Господи, покой его душе! – жив он или помер?

ЛАНЧЕЛОТ. Значит, ты меня не узнаешь, отец?

ГОББО. Увы, сэръ, я вас не узнаю, совсем слепой стал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.